

Глава 1

Богослужение как основа миросозерцания и культурной деятельности старообрядцев

Немецкий философ Вальтер Шубарт (1897–1942), говоря об особенностях мировоззрения разных народов, как-то заметил: для англичанина весь мир — это завод, для француза — гостиная, для немца — казарма, а для русского — храм. Это высказывание как нельзя более верно подходит к русским старообрядцам. Без преувеличения можно сказать, что основой старообрядческого мировоззрения и деятельности является богослужение. Богослужение было тем основным стержнем, вокруг которого формировалась вся старообрядческая культура с ее отличительными особенностями. Так же некогда жил и древнерусский человек, окруженный атмосферой религиозности.

Понимание своей жизни как служения (а в конечном итоге — Богослужения) вообще было характерно для сознания Средних веков: так жили и чувствовали не только на

Святой Руси, но и в Европе, — пока она продолжала оставаться христианской. И для старообрядцев, ставших преданными хранителями ценностей Святой Руси, это понимание оказалось как нельзя более близким. Отсюда — особенно внимательное отношение к внешним формам богослужения как к необходимой составляющей веры в Живого Бога. «Богослужение — сотворчество Бога и верующего во Христа человека... Только посредством правильного, то есть православного богослужения возможно достижение единства Бога и народа. Богослужение определяет духовную преемственность поколений. Богослужение не заканчивается в церкви. Религиозным мироощущением освящается и быт христианина, в котором также присутствует богослужение. Только через сохраненное православное богослужение, только через правильное прославление Бога возможно не только удержание, но и созидание. Вот почему нужно было держаться за богослужение. Сохраняя богослужение, старообрядцы сохраняли Веру, сохраняли Святую Русь»¹.

В богослужении не может быть ничего случайного и необязательного. Мысль о том, что в церковных таинствах и обрядах можно

выделить «внешнее» (якобы несущественное) и «внутреннее» (составляющее их суть), вообще была чужда святоотеческой традиции и явилась позднейшим плодом схоластических штудий выпускников духовных академий. Это был чисто протестантский подход, который привился в отечественном богословии в результате никоновско-петровской «реформации». Что касается традиционного православного сознания, то для него всегда было характерно понимание *равночестности* вербальных (то есть словесных) и невербальных способов выражения религиозной истины. Еще апостол Павел писал, что Бог явил людям знание о Себе не только в словах Откровения, но и во множестве иных, не словесных материальных форм, «ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим. 1, 20). Отсюда, как справедливо отмечает современный исследователь, далеко не случайно, что «при всем почтении христианства к слову, в космосе христианской культуры значительное место занимает гармония всех символических форм выражения истины, среди которых иконопись, церковная гимнография, композиторское искусство, архитектура»². Со времен Крещения Руси и до

начала никоновских реформ XVII века было широко распространено изречение: «в храме стояще, на небесах стояти мним», которое отражало мечту о достижении такого состояния, когда «человеческие чувства в единстве своего многообразия воспринимают совершенную истину, выраженную в словах, мелодиях, цветах, формах и даже в запахе ладана»³. Здесь можно вспомнить, что и выбор веры при великом князе Владимире Святославиче во многом осуществлялся не на основе изучения и сравнения догматов тех или иных религий, а на основе изучения службы и обряда. Предпочтение отдавалось наибольшей красоте и пышности богослужения.

Вообще для православия в целом всегда было характерно осознание бытия, достигающего высшей степени своего установленного Богом совершенства через благодатное просвещение. При этом богослужение, совершающееся на земле, является зримым выражением этого стремления сотворенного мира к своему Творцу. В богослужении совершается само освящение жизни. «Отсюда литургически-храмовый стиль благочестия, свойственный православной душе с древнейших времен до наших дней. Храм становится тем местом, где человек восстанавливает

свой Божественный образ через приобщение Христу. Возвращение к своему подлинному существу неотделимо от тайны соборности, когда человек начинает осознавать себя членом тела Христова. Напоенность одним Духом творит высшее единство, в котором каждый, не утрачивая своего индивидуального своеобразия, органически входит в состав сложного церковного организма: “Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, — так и Христос” (1 Кор. 12, 12). Переживание соборности преодолевает границы времени и пространства, делая возможным человеку ощутить себя в сущностном единстве с вечными истоками христианства»⁴.

Все эти черты как нельзя лучше были сохранены именно в древлеправославном, то есть в старообрядческом, богослужении. Бережно сохраняются они старообрядцами и в наше время. В чем же особенность именно старообрядческого богослужения?

Если вы зайдете в старообрядческую церковь или моленную во время службы, то по одному только внешнему виду заметите, что все здесь особенное, отличное от других религий — и католической, и протестантской,

Интерьер храма Знамени
на Тверской улице в Санкт-Петербурге.
Фотография 1912 года

и новообрядческой. В первую очередь обращает на себя внимание иконопись. Нигде вы не увидите ни одной литографии или картины в чувственном католическом вкусе, но только созданные по строгим церковным канонам, писанные на досках или меднолитые иконы. Кресты везде только восьмиконечные, как и было издревле на Руси. В каждом старообрядческом храме есть два клироса — правый и левый, на которых стоят во время службы чтецы и певцы. Молящиеся разделены на две части: справа стоят мужчины, а слева — женщины (иногда мужчины — впереди, а женщины — сзади).

Еще бросается в глаза в старообрядческих храмах то, что молятся все вместе, сообща, соборно, в определенных местах службы осеняя себя крестным знамением и кланяясь, а не когда кому вздумается или захочется «в порыве чувств». Непозволительным считается и молиться, стоя на коленях, поскольку обычай этот — католический и проник на Русь лишь после никоновской «реформации». Земные же поклоны делаются в специальный молитвенный коврик — подручник, чтобы пальцы, которыми изображается величайшая святыня христиан — Крест Христов, не касались пола, по которому ступают ногами. На

Е. В. Батова-Хмелинская в моленной одежде.
Псков, начало XX века

службе молящиеся стоят рядами, словно солдаты в строю, прямо, а не переминаясь с ноги на ногу или же отставив одну ногу в сторону. Обоснование этого находим в древнем христианском уставе: «Встани на обычном месте со страхом и трепетом, яко перед грозным судиею, истязующем мысли и словеса, и дела наша, и всякия в себе упраздни до конца житейския помыслы, и яко на небо възиди. Ногами же встани плотно, сомжив оныя от колен до пят и от пят до перстов. Не смотри же на ненаказанных, иже расставляют едину от другой далече, сие бо вражие усилие, который яко бы неким клином раздвигая, расставляет. И видя сему повинующихся, бес, скача между ногами, играет, веселяся о нерадивом стоянии пред образом Божиим». Руки во время молитвы складываются на груди горизонтально, на уровне локтей, одна на другую — правая на левую. Согласно святоотеческому толкованию, такое положение рук во время молитвы подобно сложению крыльев святых Небесных Сил бесплотных, предстоящих страшному Престолу Господню. Во время службы не допускается праздное хождение по храму или же его рассматривание, а тем более — разговоры.

Каждая старообрядческая служба начинается и заканчивается особыми уставными молитвами и поклонами — так называемым *седмипоклонным началом*. Опоздавший в храм к началу богослужения должен положить этот седмипоклонный начал в притворе и лишь после этого может присоединиться к общей соборной молитве.

Все эти особенности, идущие с незапамятных времен дораскольной Руси и Византии, говорят не только о бережном сохранении древних церковных и национальных традиций, но и о ярко выраженном в старообрядческом богослужении соборном начале. При этом внешние особенности призваны служить лишь одной цели — духовному деланию, большей сосредоточенности на внутренней, сердечной молитве, растворению молящихся в едином церковном теле.

К особенностям старообрядческого богослужения относятся и такие его черты, как продолжительность, неспешность, «уставность» церковных служб (обычно 4–6 часов, а по великим праздникам, когда молятся все-нощную, — даже до 12!). Поистине, во время такой службы забываешь о времени, — оно как бы растворяется, исчезает, уступая место вечности...

Такому ощущению в особенности способствуют чтение и пение. Характерной особенностью старообрядческого богослужения является церковное чтение. В церкви все читается различными «погласицами». Это особое распевное чтение, отличное от обычного литературного, сценического. Как пишет современный знаток и исследователь старообрядческих богослужебных традиций Е. А. Григорьев, «помимо правильности произношения, неспешности, внятности церковное чтение должно духовно вразумлять и внушать, быть величественным по характеру. В наибольшей мере все эти стороны находят отражение в интонации — в мелодии чтения. Не случайно в церковной традиции во все века, для каждого вида служебного чтения существовала своя интонация, так называемая *погласица*, своего рода напев, имеющий определенное эмоциональное и духовное значение и организованный по особым правилам»⁵. Например, одной погласицей читаются псалмы, другой — каноны и тропари, третьей — експсалмы (шесть особых псалмов, читаемых в начале утрени), четвертой — паремии (отрывки из книг Ветхого Завета), пятой — Апостол (Деяния и Послания апостолов), шестой — Евангелие, седьмой —

поучения, Пролог (жития святых), восьмой — Великий канон святого Андрея Критского, девятой — Псалтырь за упокой. Все это интонационное богатство служило не просто для украшения службы. «Нельзя недооценивать значение погласиц... Как и всякий церковный напев, они дают возможность правильно воспринимать священный текст в соответствии с порядком и смыслом соборной молитвы. Погласицей определяется не только характер содержания текста, но и его положение и значение в каждый момент Богослужения. Например, один и тот же псалом, в зависимости от места в службе, может исполняться на три погласицы (псаломская, експсаломская, заупокойная)»⁶.

Погласицы никогда не фиксировались письменно, но поскольку постоянно звучали за богослужением, то легко запоминались устно, передаваясь из поколения в поколение. Как правило, эти богатые интонационные традиции чтения (как и особенности древнего произношения некоторых букв славянской азбуки) сохранились до наших дней только в среде наиболее последовательных в отстаивании своих мировоззренческих позиций старообрядцев (прежде всего, в поморском и старопоморском согласиях). То же

можно сказать и о наиболее древних традициях знаменного пения — так называемом наонном, или хомовом пении.

Пение старообрядческое — подлинно молитвенное пение, не заслоняющее смысл богодухновенных слов пестротой нелепых мелизмов и не оскорбляющее слух навязчивой душевностью. В те времена, когда по всей Руси в храмах насаждалась оперная «итальянщина», именно старообрядцы наряду с древнерусской иконописью сумели пронести сквозь века и сохранить до наших дней еще одно бесценное сокровище наше — древнерусское знаменное пение, каким оно было на Руси до никоновских реформ. Именно оно по своему духу, тональности и всему строю как нельзя лучше отвечает идее *православного* богослужения, гармонично сочетаясь с другими видами церковного искусства. Если древняя русская иконопись — это «богословие в красках», то древний знаменный распев — «богословие в звуках». Древние распевы, строго одноголосные, звучат особенно торжественно и поистине ангелоподобно в таинственном полумраке старообрядческих храмов, освещаемых тихим светом восковых свечей и лампад.

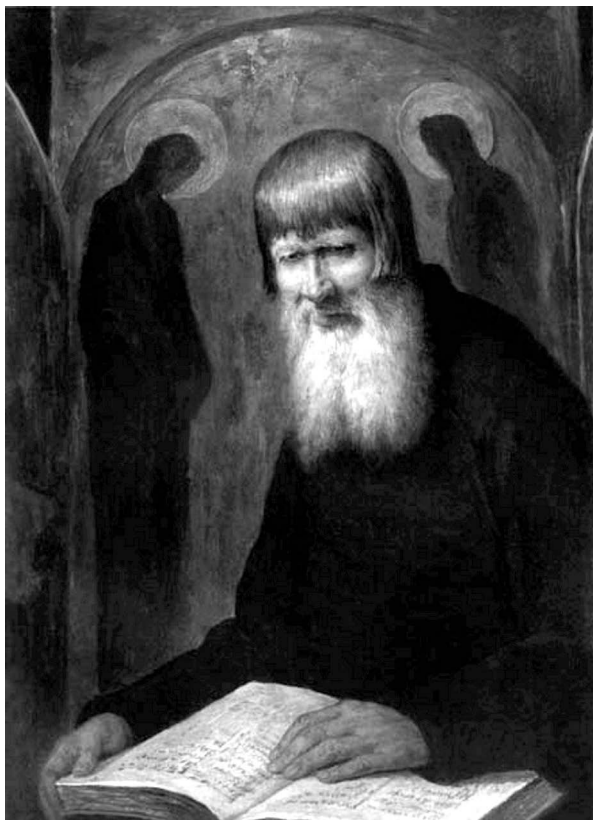
Глава 2

Старообрядческая книжность

Одной из величайших заслуг старообрядчества перед русской и мировой культурой является не просто сохранение многих памятников древнерусской книжности, но и творческое продолжение ее лучших традиций. Как отмечал В. Г. Сенатов, «гонение на старую книгу способствовало тому, что она из храмов переселилась в частные дома приверженцев старины. Эти последние всякими способами, не щадя ни сил, ни умения, ни средств, старались приобрести гонимые книги, припрятать их и сохранить. И почти вся русская старопечатная и древнеписьменная литература чрезвычайно быстро распространилась среди русского народа, преимущественно среди низших классов его — купечества и крестьянства. Это явление имеет необыкновенно важное значение и может считаться почти единственным в истории. Оно означает, что почти все мона-

стырские и церковные библиотеки поступили в свободное обращение среди народных масс»⁷.

Самым первым и главнейшим последствием введения новых книг явилось то, что старая книга перешла в народ. «Эта книга, попавшая в частные дома и убогие хижины, быстро привела чуть ли не к сплошной грамотности всей старообрядствующей массы. В данном случае не было школьного образования в нашем современном смысле, а произошло чисто народное, стихийное распространение грамотности. Деда, имеющие внуков, отцы, озабоченные о родителях и собственных детях, матери, кормящие грудью, девицы-красавицы, молодцы-удальцы — все находили возможным отрываться от своих злободневных занятий, научались грамоте и трепетно читали священные строки святых книг. По старообрядческим актам конца XVII столетия, всего через 20–30 лет после начала “раскола”, можно судить, что уже тогда старообрядцы имели книг множество и грамоту разумели. В XVIII веке, в первой четверти его, старообрядцы даже ощущают недостаток в книгах, особенно учительного и религиозно-бытового характера»⁸.

Старовер. Художник Михаил Боткин, 1877 год

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru